

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Бернард
МАНДЕВИЛЬ

Басня о пчелах,
или
Пороки частных лиц –
блага для общества

Издательство «Наука»
Москва 2000

УДК 1/14
ББК 87.3
М 14

Ответственные редакторы, составители,
авторы послесловия и примечаний
В.В. МЕЕРОВСКИЙ, А.Л. СУББОТИН

Перевод с английского
Е.С. ЛАГУТИНА, А.Л. СУББОТИНА

Рецензенты
доктор философских наук В.В. СОКОЛОВ
кандидат философских наук М.А. АБРАМОВ

Мандевиль Бернард

Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. – М.: Наука, 2000. – 291 с. (Серия “Памятники философской мысли”)

ISBN 5-02-008376-3

“Басня о пчелах” – основное произведение английского философа-моралиста и писателя Бернарда Мандевиля (1670–1733). В книге автор, излагая свои философско-этические и социальные взгляды, рисует рельефную картину порядков и нравов современного ему общества. Критическое остроумное произведение Мандевиля, его сатирическая басня “Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными” прочно вошла в золотой фонд английской философии и литературы.

Для философов, психологов, экономистов, литературоведов и широкого круга читателей.

ТП-2000-II-3

ISBN 5-02-008376-3

© Издательство “Наука”, 2000

© Российская академия наук
и издательство “Наука”,
серия “Памятники философской мысли”
(разработка, оформление),
1978 (год основания), 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Законы и правление имеют для политических тел гражданских обществ то же значение, что жизненные духи и сама жизнь — для природных тел одушевленных существ. И подобно тому как те, кто изучает анатомию на трупах, могут видеть, что главными органами и самыми чувствительными пружинами, более непосредственно, чем другие, необходимыми для поддержания движения нашего организма, являются не твердые кости, не сильные мускулы, не нервы и не гладкая белая кожа, так красиво их покрывающая, а тонкие незаметные пленки и маленькие трубочки, которых невооруженный глаз либо не воспринимает, либо же считает не имеющими значения; так и те, кто исследует природу человека, отвлекаясь от того, что приобретено искусством и образованием, могут заметить: то, что делает человека общественным животным, заключается не в его общительности, не в добродушии, сострадательности, приветливости, не в других приятных и привлекательных свойствах; самыми необходимыми качествами, делающими человека приспособленным к жизни в самых больших и, по мнению всего света, самых счастливых, самых процветающих обществах, являются его низменные и наиболее отвратительные свойства.

Следующая ниже басня, в которой только что сказанное мною излагается более подробно, была напечатана примерно восемь лет назад в шестипенсовой брошюре, называвшейся "Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными"; а вскоре она появилась в пиратских изданиях и продавалась по полпенса за штуку. После первого издания "Басни" мне случалось встречаться с несколькими людьми, которые либо преднамеренно, либо по незнанию неправильно истолковали замысел автора, утверждая, что вся она представляет собой сатиру на добродетель и нравственность и написана с целью поощрения порока. Это заставило меня принять решение сообщить тем или иным способом читателю о том подлинном намерении, с которым была написана эта маленькая поэма, на случай, если ее будут когда-либо перепечатывать. Я удостоаиваю эти немногие, кое-как связанные между собой строчки названием "поэма" не для того, чтобы читатель ожидал найти в них какую-либо поэзию, а просто потому, что они зарифмованы, и я даже, признаться, нахожусь в затруднении относительно того, как их назвать. Ибо они не представляют собой ни героической поэмы, ни пасторали, ни сатиры, ни бурлеска, ни ироикомической поэмы; чтобы назвать их повестью, в них должно быть какое-то правдоподобие, и в целом про-

изведение довольно-таки длинновато для басни. Я могу сказать о них только, что эти неумелые стихи представляют собой историю, которую, отнюдь не претендуя на остроумие, я попытался изложить столь простым и доступным языком, на который только способен. Читателю предоставляется полное право назвать их так, как ему заблагорассудится. О Монтене говорили, что он довольно хорошо разбирается в человеческих недостатках, но незнаком с превосходными свойствами человеческой природы¹. Если обо мне скажут не хуже, я буду думать, что принес пользу.

Какую страну мира следует понимать под пчелиным ульем, представленным здесь? Из того, что говорится о ее законах и устройстве, о славе, богатстве, могуществе и трудолюбии ее обитателей, ясно, что это должна быть большая, богатая и воинственная нация, счастливо управляемая на началах ограниченной монархии. Поэтому та сатира на людей различных профессий и занятий, почти всех состояний и положений в обществе, которая встретится в следующих ниже строчках, предназначается не для того, чтобы указать на каких-то конкретных лиц и нанести им обиду, а лишь для того, чтобы продемонстрировать низменные свойства отдельных частей, составляющих вместе ту благотворную смесь, каковой является хорошо организованное общество; цель всего этого – превознести чудесную силу политической мудрости, с помощью которой из самых презренных частей создан такой великолепный механизм. Ибо главная цель “Басни” (как это кратко объяснено в ее “Морали”) заключается в том, чтобы показать невозможность наслаждаться всеми самыми изысканными жизненными удобствами, которыми располагает трудолюбивая, богатая и могущественная нация, и одновременно обладать всеми благословенными добродетелями и невинностью, пожелать которых можно разве что в золотом веке; и далее – разоблачить неразумность и безрассудство тех, кто стремится стать богатыми и процветающими людьми и на удивление жадны до всех благ, какие только в качестве таковых удастся получить, и в то же время всегда ворчат и громогласно порицают те пороки и неудобства, кои с начала мира и по сей день неотделимы от королевств и государств, когда-либо прославившихся своей силой, богатствами и утонченностью (politeness).

Чтобы осуществить задуманное, я сначала слегка касаюсь некоторых недостатков и порочных склонностей, в которых обычно обвиняются люди определенных профессий и занятий. После этого я показываю, что эти самые пороки каждого отдельного лица при помощи умелого управления служат величию и всеобщему счастью целого. И наконец, излагая то, что в силу необходимости должно быть следствием всеобщей честности и добродетельности, а также умеренности, невинности и довольства всего народа, я показываю, что если бы людей можно было излечить от тех слабостей, в которых они от природы виновны, то они лишились бы сил и возможности возвыситься и образовать такие обширные, могучие и утонченные общества, которые были ими со-

зданы в различных великих республиках и монархиях, процветавших со времени сотворения мира.

Если вы спросите меня: почему я все это сделал? *Cui bono?*²² И что хорошего принесут эти взгляды? Искренне отвечу: за исключением того, что они развлекут читателя, я полагаю, абсолютно ничего. Но если бы меня спросили, что естественно следовало бы ожидать после обнародования их, я бы ответил, что, во-первых, прочтя их, люди, постоянно придирающиеся к другим, научатся смотреть на самих себя и, вопрошая собственную совесть, постыдятся бранить то, в чем они сами более или менее виноваты; и, во-вторых, те, кто так любит покой и удобства и пользуется всеми благами, которые являются следствием величия и процветания нации, научатся терпеливо переносить неудобства, кои не способны устранить ни одно правительство на земле, поняв невозможность наслаждаться сколько-нибудь значительной долей первых, не испытывая в равной мере дискомфорта последних.

Этого, как я уже сказал, следовало бы естественно ожидать от опубликования изложенных мною взглядов, если бы людей можно было сделать лучше при помощи того, что им говорят. Но поскольку люди в течение уже столь многих столетий не менялись, несмотря на многочисленные поучительные и изощренные писания, посредством которых предпринимались попытки их исправить, то я не настолько самонадеян, чтобы полагать, что мой столь незначительный пустячок может добиться больших успехов.

Признав, что этот маленький каприз, вероятно, принесет мало пользы, я считаю себя обязанным показать, что он не может никому принести вреда, ибо, если напечатанное не приносит никакой пользы, оно по крайней мере не должно и сколько-нибудь вредить. Для этой цели я написал объяснительные заметки, к которым я и отсылаю читателя в тех местах "Басни", которые вероятнее всего могут показаться исключениями из этого правила.

Склонные к осуждению люди, вообще не видевшие моей басни "Возроптавший улей", скажут: что бы вы ни говорили о ней, она была затеяна только для того, чтобы представить "Комментарии", поскольку сама басня занимает всего одну десятую часть книги; вместо того чтобы пояснить сомнительные или темные места, вы только якобы наудачу выбрали такие, о которых вам хотелось больше сказать; и вы не только не стремились исправить ошибки, сделанные раньше, но допустили еще худшие и в бессвязных отступлениях показали себя еще более бесстыдным защитником порока, чем в самой басне.

Я не буду тратить понапрасну время, отвечая на эти обвинения: если люди предубеждены, на них не действуют и самые убедительные аргументы; и я знаю, что те, кто считает преступным предполагать необходимость порока в каком бы то ни было случае, никогда не примирятся ни с одной частью этого произведения; но если его внимательно изучить, то всё оскорбление, которое оно способно нанести, должно вытекать из неправильных заключений, какие, возможно, могут быть

выведены из него, чего я никому не пожелаю сделать. Когда я утверждаю, что пороки неотделимы от великих и могущественных обществ и что богатство и величие последних не могут существовать без них, я вовсе не говорю, что те отдельные члены обществ, которые виновны в каких-либо пороках, не должны постоянно подвергаться порицанию или нести наказание за них, если они перерастают в преступления.

Я полагаю, что пока те люди, которые вынуждены постоянно ходить пешком по Лондону, не принимают во внимание ничего, кроме своей одежды и своего личного удобства, среди них найдется мало таких, кто не пожелал бы, чтобы улицы его были гораздо чище, чем они обычно бывают; но если они однажды поймут, что многое из того, что доставляет им неудобство, является результатом изобилия, оживленного уличного движения и богатства этого могущественного города, то, если они хоть немного заботятся о его процветании, они вряд ли когда-либо захотят, чтобы его улицы были не такими грязными. Ибо если мы примем во внимание самые разнообразные материалы, которыми необходимо снабдить столь бесконечное, постоянное растущее число профессий и ремесел, огромное количество провизии, напитков и топлива, которое ежедневно потребляется здесь, мусор и отходы, которые неизбежно при этом остаются; огромное количество лошадей и других животных, которые постоянно заполняют улицы; повозки, экипажи и более тяжелые кареты, которые беспрерывно портят и ломают мостовые улиц, и больше всего бесчисленные толпы людей, которые постоянно бродят и топчутся всюду, во всех уголках, — если, говорю я, мы примем во внимание все это, то обнаружим, что ежеминутно должна образовываться новая и новая грязь; а если учесть, насколько большие улицы удалены от реки, сколько денег и труда надо вложить, чтобы убирать мусор и грязь так же быстро, как они возникают, то Лондон просто невозможно сделать более чистым, прежде чем он станет менее процветающим. А теперь я могу спросить: разве не может добропорядочный житель города, рассмотрев все, что было сказано, утверждать, что грязные улицы являются необходимым злом, неотделимым от благосостояния Лондона? И в то же время они ни в коей мере не служат препятствием для чистки обуви, подметания улиц и, следовательно, не наносят вреда ни чистильщикам сапог, ни уборщикам мусора.

Но если бы задан был вопрос безотносительно к выгоде или благосостоянию города: в каком месте, по моему мнению, приятнее всего прогуливаться? — никто не усомнился бы в том, что зловонным улицам Лондона я бы предпочел полный свежих ароматов сад или тенистую рощу в сельской местности. Подобным же образом, если бы меня спросили, где, по моему мнению, вероятнее всего люди могут наслаждаться подлинным счастьем, отложив в сторону все мирское величие и тщеславие, я бы предпочел небольшое мирное общество, где люди, не испытывая ни зависти, ни почтения соседей, довольствовались бы теми естественными продуктами, которые производит та местность, где они живут; я предпочел бы его огромному скоплению лю-

дей, купающихся в богатстве и власти, постоянно покоряющих других силой оружия за рубежом и развращающих себя внутри страны роскошью, завезенной извне.

Вот все, что я сообщил читателю в первом издании, ничего не добавив в качестве предисловия во втором. Но после этого поднялась буря протестов против книги, и тем самым полностью оправдались всегда имевшиеся у меня опасения в отношении справедливости, мудрости, милосердия и честности тех, на чью добрую волю я хотел надеяться. Против нее было вынесено обвинительное заключение большим жюри³, ее осудили тысячи людей, вообще не видевших ни одного слова, в ней напечатанного. В присутствии лорд-мэра прочитали проповедь, направленную против нее; полное опровержение ее ежедневно ожидается от одного преподобного духовного лица, всячески поносящего меня в своих высказываниях и вот уже в течение пяти месяцев кряду грозящего дать мне ответ через два месяца⁴. То, что я сам могу сказать о себе, читатель увидит в моей "Защите", напечатанной в конце книги, где он также найдет обвинительное заключение большого жюри и письмо почтенному лорду С., которое настолько наполнено пустой риторикой, что в нем нельзя обнаружить ни аргументов, ни внутренней связности. Автор его демонстрирует прекрасные способности к произнесению ругательств и большую проницательность в отыскании атеизма там, где другие его вообще не могут обнаружить. Он рьяно выступает против безнравственных книг, прямо указывает на "Басню о пчелах" и очень сердит на ее автора; он приводит четыре очень резких эпитета, характеризующие чудовищность его вины, и при помощи нескольких косвенных намеков, обращенных к толпе (например, на опасность того, что подобных авторов терпят на земле, или на небесные кары, которым подвергнется весь народ), весьма милосердно препоручает меня ее заботам.

Учитывая то, что это послание весьма длинно и направлено в целом не только против меня, я вначале намеревался привести из него только некоторые отрывки, имеющие непосредственное отношение ко мне; но, обнаружив при более близком рассмотрении, что все касающееся меня настолько связано и переплетено с тем, что ко мне не относится, был вынужден обеспокоить читателя, приведя все послание целиком, не без тайной надежды, что, несмотря на его многословие, нелепость его доставит удовольствие тем, кто внимательно прочитал тот трактат, который оно так ужасно осуждает.

ВОЗРОПТАВШИЙ УЛЕЙ, ИЛИ МОШЕННИКИ, СТАВШИЕ ЧЕСТНЫМИ

В просторном улье пчелы жили,
Имелось все там в изобилье;
И множились науки в нем,
И шел промышленный подъем;
Закона и оружия сила
Его величие хранила;
И каждой новою весной
Он порождал за роем рой.
Ни деспота не знал он власти,
Ни демократии напасти;
Им управлял король, чей трон
Законом был давно стеснен.
Так жили пчелы жизнью вольной,
Но были вечно недовольны.

Ну, словом, был пчелиный рой
Во всем похож на род людской.
Производили то же пчелы,
Что наши города и села:
Все те предметы, что нужны
Для мирной жизни и войны.
И нет у нас таких строений,
Машин, судов, изобретений,
Наук, искусств и мастерских,
Каких бы не было у них.
Посредством крохотных орудий
Они все делали, как люди;
И нам хватает наших слов
Для описанья их трудов.
Из человеческих дел едва ли
Они чего-нибудь не знали,
Ну разве что иных затей –
Игральных, например, костей.
И то навряд ли; в самом деле,

Ведь короли солдат имели –
А разве был на свете полк,
Где в играх бы не знали толк?

Итак, цвел улей плодовитый,
До крышки пчелами набитый;
И в нем, как в обществе людей,
Кипели тысячи страстей.
Иные утоляли страсти,
Достигнув почестей и власти;
Другие в копиях, в мастерских
Всю жизнь работали на них,
Полмира, почитай, кормили,
А сами, как илоты, жили.
Тот, кто имел свой капитал,
Себя ничем не утруждал
И только прибыли считал;
Другие знали лишь работу,
Трудились до седьмого поту
И спину гнули день-деньской,
Питаясь хлебом и водой.

- (А) Иные днями и ночами
Вершили темными делами,
Которым обучать юнцов
Рискнул бы худший из отцов.
Плуты, хапуги, сутенеры,
Гадалки, шарлатаны, воры –
Все шли на хитрость и обман,
Дабы набить себе карман.
- (Б) А впрочем – остальные тоже
С мошенниками были схожи:
Весьма солидные мужи
Нисколько не чурались лжи,
И были в улье том едва ли
Занятя, где б не плутовали.

Здесь каждый адвокат владел
Искусством раздуванья дел
И, ловко разжигая споры,
Клиентов грабил хуже вора.
Суды веденье тяжб всегда
Растягивали на года,

Однако было все в порядке,
Когда судье давали взятки;
За эти воздаянья он
Так рьяно изучал закон,
Как взломщик изучает лавки,
Чтоб лучше обобрать прилавки.

Врачи заботились скорей
О репутации своей,
А не о том, чтобы лечение
Несло больному облегчение;
Стремясь доверье заслужить,
Старались чуткими прослыть:
Войти с улыбкой в дом больного,
Приветливое молвить слово
И угодить его родне,
Любой внимая болтовне.

Мужи духовного сословья
Не чужды были суесловья
И, хоть служили при богам,
Погрязли в низменных грехах.
Всем досаждали их чванливость,
Корыстолюбье, похотливость –
Пороки, свойственные им,
Как кражи мелкие – портным.
Они, вперяя взоры в небо,
Послать молили корку хлеба,
А сами жаждали притом
Заполучить амбар с зерном.
Пока жрецы вовсю радели,
Те, кто их нанял, богатели,
Благополучием своим
Весьма обязанные им.

(В) Коль дрались на войне солдаты –
Их ждали почести, награды.
А тех, кто бойни избегал,
Судил военный трибунал;
Причем указ был очень строгий –
Им просто отрубали ноги.
Отнюдь не всякий генерал

С врагами честно воевал;
Иной, на деньги шибко падкий,
Щадил противника за взятки.
Те, кто был в битвах смел и рьян,
Считать не успевали ран;
А трусы по домам сидели,
Зато двойной оклад имели.

Лишь на оклад никто не жил
Из тех, кто при дворе служил;
Ревнителю служенья трону
Бесстыдно грабили корону
И, обирая королей,
Хвалились честностью своей.
Везде чинуши плутовали;
Но чтоб о том не толковали,
Они мошенничества плод
Умели выдать за доход
И называли честной сделкой
Любую грязную проделку.
(Г) Ну, словом, каждая пчела
Обогащалась как могла,
Доходы большие имея,
Чем думал тот, кто знался с нею;
(Д) Так выигрыш скрывает свой
От остальных игрок любой.

Не перечесть все их проделки,
Навоз – и тот бывал подделкой,
И удобренье для полей
Сплошь состояло из камней.
В своем стремленье жить богато
Всяк норовил надуть собрата
Иль вымещал на нем свой срам,
Когда бывал обманут сам.

Хотя и были у Фемиды
Глаза повязкою закрыты,
Ее карающая длань
Охотно принимала дань.
И всем, конечно, было ясно:
Ее решение пристрастно,

Богиня делает лишь вид,
Что судит так, как долг велит.
Она судом грозила строгим
Лишь неимущим и убогим,
Тем, кто нуждой был принужден
Немного преступать закон.
Зато богатый, именитый
Был защищен мечом Фемиды,
Всегда готовым чернь карать,
Дабы обезопасить знать.

- Пороком улей был снедаем,
Но в целом он являлся раем.
Он порождал в округе всей
И страх врагов, и лесть друзей;
Все ульи несравнимы были
С ним по богатству и по силе.
Такой здесь был гражданский строй,
Что благо нес изъян любой
- (Е) И, вняв политики урокам,
Дружила нравственность с пороком;
- (Ж) Тут и преступница-пчела
Для пользы общества жила.

- Весьма искусное правленье
Всех пчел хранило единенье.
Хоть и роптали пчелы, рой
Согласно жил семьей большой;
- (З) Враги – и те, хоть не желали
Того, друг другу помогали;
И добродетели одних
Питали слабости других.
- (И) Здесь жадность, будучи истоком
Всех зол, губительным пороком,
Себя связала с мотовством –
- (К) Сим благороднейшим грехом;
- (Л) Здесь роскошь бедных выручала
Тем, что работу им давала;
- (М) Ей гордость в этом помогала;
- (Н) А зависть и тщеславье тут
Облагораживали труд.

К тому ж у этого народа
На все менялась быстро мода;
Сей странный к перемене пыл
Торговли двигателем был.
В еде, в одежде, в развлеченье –
Во всем стремились к перемене;
И образцы новейших мод
Уж забывались через год.
Сменяя в обществе порядки,
В нем устраняли недостатки;
В итоге славным пчелам зло
Благополучие несло.

Плоды пороков пожиная,
Цвела держава восковая.
Изобретательность и труд
Впрямь чудеса творили тут.
(О) Покой, комфорт и наслажденья
Сполна вкушало население;
(П) И жил теперь бедняк простой
Получше, чем богач былой.

Но как обманчиво блаженство!
Когда бы знать, что совершенство
И боги нам не в силах дать,
Не стали твари бы роптать.
Они ж, чуть что, всюю вопили:
“Мошенники нас погубили!
Что власть, что армия, что суд –
На воре вор, на плуте плут!”
И те, что сами плутовали,
Других за плутни бичевали.

Один богач – как раз из тех,
Кто жил, обманывая всех, –
Орал, что к светопреставленью
Ведут все эти преступленья.
И кто же тот разбойник был,
Кого так люто он бранил?
Прохвост-перчаточник, продавший
Ему овчину вместо замши.

Прекрасно шли у пчел дела,
И польза всем от них была,
И все же все кричали: “Боги,
Хотим жить честно! Будьте строги!”
Услышав их мольбы, Гермес
Лишь усмехнулся; но Зевес
Сказал, сверкнувши гневным оком:
“Что ж, это будет им уроком”.
И вот – о чудо из чудес! –
Из жизни пчел обман исчез;
Забыты хитрости и плутни,
Все стали честны, даже трутни;
И вызывает только стыд
У трезвых пчел их прежний быт.

О славный улей! Даже жутко,
Какую с ним сыграли шутку!
За полчаса по всей стране
Продукты снизились в цене;
Все сняли маску лицемерья
И жаждут полного доверья;
Презрела роскошь даже знать;
Ну прямо улей не узнать.
Займодавцам нет заботы,
И адвокаты без работы,
Поскольку сразу должники
Вернули с радостью долги;
А кои возвратить забыли,
Тем кредиторы долг простили.
За прекращеньем многих дел
И род судейских поредел;
Последним туго, как известно,
Когда дела ведутся честно:
Доходов не приносит суд,
И из судов они бегут.

Одних преступников казнили,
Других на волю отпустили.
Едва застенки опустел,
Оставшись вовсе не у дел,
Из улья отбыла Фемида,

А с ней – ее большая свита.
Толпой шли чинно кузнецы –
Тюремной утвари творцы –
С железными дверьми, замками,
Решетками и кандалами;
Шел весь тюремный персонал,
Что заключенных охранял;
От них на должном расстоянии –
Палач в багряном одеянье,
Но не с мифическим мечом –
С веревкой шел и топором;
За ним, в кругу шерифов, судей,
Везли богиню правосудья.

Теперь лечить недужных смел
Лишь тот, кто врачевать умел;
И даже в селах захолустных
Хватало лекарей искусных.
Больных старались так лечить,
Чтоб их страдания облегчить,
Причем без всяких выгод личных
И без таблеток заграничных;
Знал лекарь: и в своей стране
Замену им найдет вполне.

Жрецы отныне не ленились,
Со всем усердием молились
И славословили богов,
Не полагаясь на дьячков.
А те, что барствовать хотели, –
Все оказались не при деле
(Которое для честных пчел
Иной бы и ненужным счел.)
Верховный жрец теперь всецело
Отдал себя святому делу
И голос свой подать не смел
При разрешенье светских дел.
Зато любой бедняк и нищий
Могли найти в его жилище
Чем подкрепиться: хлеб и эль,
А путник – теплую постель.

(Р) Министры поняли, что надо
Жить скромно на свои оклады;
И нетерпим стал с этих пор
К любому жульничеству двор.
И если пенсион свой скромный
Ждала неделями в приемной
Иная бедная пчела
И получить его могла,
Лишь сунув клерку в руку крону, –
Того карали по закону;
Хотя в былые времена
Прощалась большая вина.
Досель на каждом златном месте
Сидело по три чина вместе,
Дабы друг другу не давать
Чрезмерно много воровать;
Они друг друга наблюдали
И вскоре вместе плутовали.
А ныне лишь один сидел,
Другие были не у дел.

Всё пчелы для уплаты долга
Распродают: отрезки шелка,
Кареты, дачи, скакуны
Идут с торгов за полцены.
(С) Им честь диктует бедняками
Скорее быть, чем должниками.

Они бегут ненужных трат,
Не шлют за рубежи солдат,
Не ценят воинскую славу,
Однако за свою державу,
За право мирно, вольно жить
Готовы головы сложить.

Куда ни глянь – не то, что было:
Торговлю честность погубила,
Осталась уйма пчел без дел,
И улей быстро опустел.
Нет богачей, пропали моты,
Что деньги тратили без счета;

Заняття где теперь найдут
Все те, кто продавал свой труд?
Конец закупкам и заказам –
И производство гибнет разом;
Везде теперь один ответ:
“Нет сбыта – и работы нет”.

На землю даже пали цены;
Сдают внаем дворцы, чьи стены
Само искусство возвело;
И, удивленные зело,
Печально зрят сей строй убогий
Их охраняющие боги.
Без дела плотник, камнерез,
На их работу спрос исчез:
(Т) Пришло в упадок, захирело
Градостроительное дело;
И живописца дивный труд
Уж никому не нужен тут.

У пчел мизерные оклады,
На день хватает – ну и рады,
И больших нет у них забот,
Чем оплатить в таверне счет.
Теперь кокетки записные
Не носят платья золотые;
Не закупает крупный чин
Ни дичи, ни французских вин;
Да и придворный равнодушен
К тому, что подают на ужин,
Которому теперь цена
Не та, что в оны времена.

Еще совсем недавно Хлоя
(У) Богатства ради и покоя
Толкала мужа своего
На плутовство и воровство;
Теперь пускает в распродажу
Златую утварь, мебель даже –
Те вещи, ради коих рой
Творил в Вест-Индии разбой.

Пришли иные в улей нравы;
Забыты моды и забавы;
Нет шелка, бархата, парчи –
Не ткут их более ткачи.
Беднее стали все раз во сто,
Зато все дешево и просто,
Зато обрел пчелиный рой
И мир, и счастье, и покой.
Берут лишь то, что даст природа;
Сады растут без садовода
И глаз не радуют плодом,
Взращенным знаньем и трудом.

Уж не плывут в чужие страны
Судов торговых караваны;
Нигде не видно ни купцов,
Ни финансистов, ни дельцов;
Ремесла все пришли в расстройство;
(Ф) Бич трудолюбия, довольство,
Мешает выгоду искать
И большего, чем есть, желать.

И тут на улей опустелый
Коварные соседи смело
Со всех сторон пошли войной;
И закипел кровавый бой!
И год и два – враги все рвутся;
Отважно, храбро пчелы бьются;
Их мужество в конце концов
Спасает улей от врагов.
Победа! Но победа рою
Досталась дорогой ценою:
Мильоны пали, и страна
Была вконец разорена.
Финал послужит всем уроком:
Покой – и тот сочтя пороком,
Проникшись духом простоты
И первородной чистоты,
Настолько пчелы опростели,
Что все в дупло перелетели,
Где, честной бедностью своей
Гордясь, живут до наших дней.

Мораль

- Да будет всем глупцам известно,
(X) Что улей жить не может честно.
(Ц) В мирских удобствах пребывать,
Притом пороков избежать –
Нельзя; такое положение
Возможно лишь в воображенье.
Нам – это все понять должны –
Тщеславье, роскошь, ложь нужны;
В делах нам будучи подмогой,
Они приносят выгод много.
Конечно, голод – это зло;
Но без него бы не могло
Раздобывать себе съестное,
Расти и крепнуть все живое.
Лоза плодов не принесет,
Пока дикаркою растет;
Чтоб зрели грозди винограда,
Лозу не раз подрезать надо;
Но вот подвязана она,
Вся ссохлась, вся искривлена,
А сколько нам дает вина!
Так и порок полезен людям,
Когда он связан правосудьем.
Чтоб стать народ великим мог,
В нем должен свить гнездо порок;
Достатка – все тому свидетель –
Не даст ему лишь добродетель.
И те, кто век вернет иной,
Прекраснодушный, золотой,
Верша все честными руками,
Питаться будут желудями.

БЕРНАРД МАНДЕВИЛЬ И ЕГО “БАСНЯ О ПЧЕЛАХ”

Летом 1705 г. на улицах Лондона появилась анонимно изданная брошюра, озаглавленная “Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными”. Она привлекла внимание читателей своим оригинальным содержанием – написанной стихами басней, в которой рассказывалась удивительная история пчелиного улья, процветавшего благодаря многочисленным порокам его членов, и враз пришедшего в упадок, как только в нем восторжествовало благонравие. Перепечатанная в пиратских изданиях брошюра широко распространилась по городу. Вскоре стал известен и ее автор. Это был лондонский врач и литератор Бернард Мандевиль.

О Мандевиле до нас дошло очень мало сведений. Не осталось даже портрета, который запечатлел бы его облик. Мы имеем лишь самые общие данные о его жизни. Мандевиль родился в 1670 г. в семье потомков французских эмигрантов, переселившихся в Голландию по видимому из-за религиозных преследований. Его детские и школьные годы прошли в Роттердаме, а студенческие – в Лейдене, где он изучал в университете медицину и философию. Закончив в 1694 г. Лейденский университет и получив степень доктора медицины, Мандевиль некоторое время путешествовал по Франции и Италии, после чего отправился в Англию, чтобы усовершенствовать свое знание английского языка, и решил переселиться туда навсегда. Он обосновался в Лондоне и прожил в нем до самой смерти, занимаясь врачебной практикой и литературной работой. Мандевиль публикует сборники стихотворений, издает журнал “Болтуня”, развлекающий читателей статьями нравоописательного и нравоучительного характера, а в 1711 г. печатает ученое сочинение – “Трактат об ипохондрических и истерических страстях”. В целом Мандевиль написал не так уж много, однако охватил довольно широкий круг тем и использовал разные жанры. Из последующих его сочинений отметим книгу “Свободные мысли о религии, церкви и национальном счастье” (1720), памфлеты “Благопристойная защита публичных домов” (1724) и “Исследование о причинах частых казней на Тайберне” (1725), а также последние его работы, датируемые 1732 г., “Исследование о происхождении чести и о пользе христианства в войне” и “Письмо к Диону”. Однако главным сочинением Мандевилля, принесшим ему широкую известность, была “Басня о пчелах”, снабженная интригующим подзаголовком “Пороки частных лиц – блага для общества”.

В основу этого произведения, изданного в 1714 г., легло упомянутое стихотворение о возроптавшем улье – ироническая аллегория, сотворенная фантазией Мандевиля из фабулы эзоповской басни "Пчелы и Зевс" и перефразированного парадокса эразмовской "Похвалы Глупости". Но в этом издании стихи сопровождались предисловием, небольшим философским трактатом "Исследование о происхождении моральной добродетели" и весьма пространными комментариями. В 1723 г. вышло второе издание "Басни о пчелах". В него вошли еще две работы Мандевиля "Опыт о благотворительности и благотворительных школах" и "Исследование о природе общества", а также были добавлены новые комментарии и расширены некоторые из имевшихся.

Книга сразу же сделалась предметом острой полемики, отныне сопровождавшей Мандевиля до самой его кончины в январе 1733 г. Начало этой полемики положило осуждение книги присяжными большого жюри графства Мидлсекс как безнравственной и подрывающей основы христианской религии и гражданского правления. В появившемся в 1724 г. третьем издании "Басни о пчелах" содержался ответ Мандевиля на это осуждение. Однако критика его книги не прекращалась. Против Мандевиля выступали и теологи и светские писатели, в частности влиятельный литературный критик Джон Деннис (1657–1734) и известный философ Фрэнсис Хатчесон (1694–1746). Втянувшись в полемику, Мандевиль уже не мог с ней развязаться. До конца своих дней он продолжал отвечать на критические нападки, разъясняя и уточняя свои взгляды. Последним критиком, которому он ответил пространной защитительной речью ("Письмо к Диону") был Джордж Беркли (1685–1753), язвительно пародировавший Мандевиля в своем сочинении "Алкифрон, или Мелкий философ", написанном в защиту христианской религии "против тех, кого называют свободомыслящими". Вместе с тем выходили все новые издания книги Мандевиля. В 1725 г. четвертое, в 1728 г. пятое, а в 1729 г. шестое, и в этом же году появился второй том "Басни о пчелах", содержащий шесть диалогов, в которых Мандевиль продолжал обсуждать проблематику первого тома и вел полемику со своими критиками. В XVIII столетии "Басня о пчелах" переиздавалась в Англии свыше десяти раз. Впоследствии она была переведена на французский, немецкий и другие европейские языки. Ее перевод на русский язык – и только первого тома – появился лишь в 1974 г.

Значительную, подавляющую часть "Басни о пчелах" занимают комментарии к строчкам стихотворения. В этих комментариях на самом разнообразном жизненном материале подтверждается, поясняется и развивается главная мысль "Возроптавшего улья", основной сформулированный в нем парадокс: блага и процветание обществу приносят несовершенства и пороки его членов. Перед читателем предстает целая галерея лиц, пороки и страсти которых не только не мешают, но, напротив, обеспечивают процветание коммерческого общества, поскольку способствуют успехам торговли, расширению производства, занятости населения, росту потребления и доходов. Обманщики-купцы и плу-

ты-лавочники, богатые скряги и расточительные повесы, завистливые модницы и проститутки, пьяницы и шулера, воры и разбойники – таков далеко не полный перечень “героев” комментариев Мандевилья. Исследуя человеческую природу, Мандевиль исходил из установок, сформулированных еще Томасом Гоббсом (1588–1679): люди “от природы” обладают сугубо эгоистическими качествами и действуют, как правило, “ради пользы или славы, т.е. ради любви к себе, а не к другим”¹. Однако в отличие от Гоббса он не считал эти качества препятствием или помехой для создания и функционирования преуспевающего общества. Напротив, Мандевиль убежден, что самыми необходимыми качествами, делающими человека приспособленным к жизни в таком обществе, являются его эгоистические наклонности и низменные побуждения.

Объективно своей “апологией пороков” Мандевиль констатировал положение дел, действительно сложившееся тогда в формировавшемся коммерческом обществе. Мандевиль внимательно вглядывался в окружающую его экономическую и социальную реальность. И читатель “Басни о пчелах” найдет на ее страницах не только живые картины экономического и общественного быта Англии первых десятилетий XVIII в., но и цельную систему экономических и социально-политических взглядов ее автора, его многочисленные рекомендации, касающиеся как денежной, торговой, хозяйственной политики, так и государственного строительства. В последних Мандевиль оставался верен либеральной доктрине Джона Локка (1632–1704); он стоял за господство закона, за свободу мысли и слова, за веротерпимость и за невмешательство духовенства в государственные дела. Но достигнуть процветания общества с помощью одних экономических и политических мер нельзя. Чтобы сделать общество богатым и могущественным, считает Мандевиль, надо затронуть аффекты людей. Именно в аффектах, в раскованных аффектах людей он видел важнейший стимул к активной экономической деятельности, направленной на создание всех жизненных удобств. И в первую очередь это такие аффекты как тщеславие, алчность, зависть, пробуждающие человека от лени, возбуждающие у него желания, заставляющие людей соперничать друг с другом, что ведет к раскрытию их способностей и заставляет работать по-настоящему.

С этих позиций Мандевиль подвергает критике этику стоицизма, требовавшую отрешения от аффектов, обуздания страстей и чувственных влечений и полагавшую главной жизненной целью приобщение к добродетели. Его возражения направлены на доказательство невозможности следовать моральным требованиям стоиков в реальной жизни. Панегирики, воздаваемые стоиками и их последователями добродетели, еще ни о чем не говорят, потому что можно признавать превосходство добродетели в теории, но не следовать ей на практике. И хотя есть немало людей, согласных со стоиками в том, что душевный покой может быть выше обладания жизненными благами и никто не может

¹ Гоббс Т. Избр. произведения: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 301.

быть по-настоящему счастливым, если он лишен добродетели, истинные наслаждения всех людей остаются земными и чувственными, о чем свидетельствует их реальная жизнь. Те же, кто на словах превозносит добродетель, а в повседневной жизни занят погоней за чувственными удовольствиями, поступают как лицемеры. Франсуа Ларошфуко (1613–1680) как-то заметил: "Лицемерие – это дань уважения, которую порок платит добродетели"². На страницах своих комментариев Мандевиль показал, как щедро самые различные слои английского общества платят эту дань, как лицемерие, уже перестав быть чертой отдельных лиц, становится атрибутом господствующей морали. Он был первым из английских писателей-моралистов, кто предпринял столь решительную атаку на лицемерное сознание своих соотечественников.

На человеческих аффектах строится у Мандевиля и система моральных ценностей, с помощью которой был "сломлен дикарь в человеке" и установлены цивилизованные отношения между людьми. Мандевиль, как и Локк, не признавал существования врожденных моральных принципов, представлений или чувств и полагал, что они имеют не естественное, а искусственное происхождение. Из его предшественников Гоббс определенно говорил, что институт морали возникает лишь в условиях политической организации общества и верховная власть устанавливает основания ее общеобязательных норм. В трактате "Исследование о происхождении моральной добродетели" Мандевиль предложил изощренную модель происхождения такого института. Систему морали создало искусство политиков, приучивших людей преодолевать свои естественные влечения и аффекты из стыда, страха и гордости. Постоянно обращаясь к человеческому тщеславию, лстя и подыгрывая ему, политики внушили людям понятия стыда, чести и то представление о человеческом достоинстве, которое связывалось с обузданием эгоистических наклонностей и низменных влечений и побуждало предпочитать содействие общественному благу личным интересам. Однако при всем этом приобщение людей к моральной добродетели не изменило их природу: люди избегают пороков лишь из соображений той же собственной выгоды либо боязни общественного осуждения, а их стремление к добродетели, если оно имеет место, обусловлено в конечном счете их же личными интересами, желанием удовлетворить свое тщеславие.

Несмотря на "изобретение морали", человек был и остается эгоистическим существом. Его природа, вообще говоря, не изменилась "со времени грехопадения Адама", и нет никаких оснований полагать, что она изменится в будущем. Мандевиль придерживался концепции аффективной природы человека. Он считал аффекты, т.е. свойственные человеческому естеству виды влечения и отвращения, самой сущностью человека и рассматривал их как главные факторы, которые, овладевая человеком, управляют им, хочет он того или нет; определяют условия его жизненной активности, усиливают или ослабляют человеческую

² Ларошфуко Ф. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 167.

способность к действию. Профессиональный врач-психиатр, Мандевиль на страницах своей “Басни о пчелах” описал многие человеческие аффекты, равно как и облики, какие они принимают, и проанализировал разнообразные примеры человеческого поведения и сознания как результата взаимодействия и комбинации аффектов. Посвященные такому анализу страницы его книги, надо полагать, окажутся одними из самых интересных для читателей.

“Опыт о благотворительности и благотворительных школах” является собой пример публицистики Мандевиля. В нем он подверг критике практику благотворительности и организации при приходах школ для детей бедноты, а также изложил некоторые соображения, касающиеся состояния школьного и университетского образования в Англии. Здесь мы не найдем никаких принципиально новых теоретических положений по сравнению с уже содержащимися в комментариях. Рассматривая мотивы благотворительной деятельности, Мандевиль видит их в тех же эгоистических наклонностях, в том же тщеславии, властолюбии, себялюбии, которыми отмечены, по его мнению, и прочие человеческие деяния. А в своих аргументах против благотворительных школ исходит из тех же, что и в комментариях, экономических соображений о необходимости существования в хорошо организованном обществе большого числа трудолюбивых бедняков, лучше невежественных, поскольку образование может отвратить их от желания заниматься трудной и черной работой. Но не содержа нового поворота теоретической мысли, “Опыт о благотворительности...” означивал собою поворот в судьбе всей книги Мандевиля, а также и в его собственной. Если бы Мандевиль ограничился публикацией “Возроптавшего улья”, то наверное в восприятии своих современников он остался бы просто остроумным стихотворцем, развлекающим читателей забавной аллегорией, каких, кстати сказать, тогда было немало в Англии. Но он сделал следующий шаг: в комментариях и сопровождающем стихотворение трактате возвел содержащиеся в басне мысли на уровень универсальной философской проблематики. А та критика, которую Мандевиль развернул в “Опыте о благотворительности...”, была уже конкретной и адресной. Она затронула интересы многих лиц – не только влиятельного духовенства, состоятельных филантропов, попечителей, учителей, но и рядовых прихожан. Именно с этого момента “Басня о пчелах” и ее автор стали объектом самых резких нападок и разнузданных поношений.

Новый поворот философской мысли Мандевиля мы находим в его трактате “Исследование о природе общества”. Во-первых, это открытая и обстоятельная критика этики естественного “морального чувства” Антони Эшли Купера, третьего графа Шефтсбери (1671–1713). Поклонник философии Платона, граф исходил из автономности нравственности, из неизменности представлений о добродетели и пороке. “Прекрасное и честное” – морально-эстетический идеал Шефтсбери – мыслился им как нечто всеобщее и абсолютное. Мандевиль решительно не согласен с такой точкой зрения. Он подыскивает примеры, которые показали бы, как

различны мнения людей о прекрасном, как изменчивы их обычаи, нравы, вкусы и нравственные оценки. То, что считается прекрасным в одной стране или в одно время, не воспринимается таковым в другой стране или в другое время. Нравственное для европейца покажется безнравственным жителю Востока, и наоборот. Морально-этический идеал Шефтсбери несбыточен и нереален, охота за ним не многим успешнее, чем погоня за призраками. Надо признать, что Мандевиль во многом прав в своих возражениях Шефтсбери, нельзя отрицать и того, что "Басня о пчелах" отличалась большим реализмом в понимании общественных отношений и нравов послереволюционной Англии, чем "Характеристики людей, нравов, мнений и времен" (1711), принадлежавших перу Шефтсбери. Но здесь вступает в силу еще один, нормативный аспект, когда имеют дело с такого рода вопросами. Мандевиль не воспринял гуманистический настрой концепции Шефтсбери, ориентированной на пробуждение у людей самых лучших, благородных чувств относительно достоинств человеческой природы. Сам Мандевиль не избежал другой крайности в трактовке этой природы. Остро подметив какие нравственные типы личности формируют современные ему общественные отношения, всемерно способствующие развитию эгоизма и многих порочных наклонностей, Мандевиль считал их основными извечными свойствами природы человека. Он демонстративно игнорировал богатство и многообразие человеческой натуры, когда отрицал или же превратно истолковывал какие-либо альтруистические побуждения людей и подвергал сомнению саму возможность бескорыстных поступков.

Во-вторых, это концепция позитивной, творческой роли зла. Выходя за пределы своего представления о пороках частных лиц как благе для общества в целом, Мандевиль приходит к более общему представлению о продуктивном значении зла для прогресса и самого существования общественной жизни. Теперь уже не просто дурные аффекты и низменные побуждения, а зло – как моральное, так и природное, т.е. пороки и недостатки людей, их слабости и неудовлетворенные нужды, а также неблагоприятные для них и разрушительные силы природы рассматриваются им как то начало, которое делает людей социальными существами; которое является основой и залогом их разнообразной хозяйственной деятельности, их успехов в ремеслах, искусствах и науках. Проблема зла имеет в философии свою историю. Поднятая в религиозных спорах Реформации и Контрреформации, она выступала как проблема совместимости в этом мире зла, в частности морального зла, и всемогущества и благодати Божией. В таком виде она занимала многих теологов и мыслителей XVII и XVIII столетий. В Англии она была вновь поставлена в книге "О начале зла" (1702) архиепископа Уильяма Кинга (1650–1729). Эту проблему решал в своей рапсодии "Моралисты" (1709) Шефтсбери. Ее основательно исследовал Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) в знаменитом "Опыте теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла" (1710). Мандевиль коренным образом ее переосмысливает. В его интерпретации проблема зла обмирщается, на-

полняется социально-экономическим содержанием и увязывается с признанием важнейшего значения материальных условий жизни людей, их экономических интересов и потребностей, их успехов в знаниях и трудовой деятельности для существования и развития общества.

“Басня о пчелах” оставила заметный след в последующей европейской философии и прежде всего в философии Века просвещения. Ее основное положение – пороки служат общему благу, – по меткому замечанию Фридриха Ланге, “было некоторым образом тайною статьею Просвещения, которая редко упоминалась, но никогда не забывалась”³. Влияние идей Мандевилля испытал прежде всего Давид Юм (1711–1776), пытавшийся синтезировать теорию “морального чувства” Шефтсбери и Хатчесона с положениями этики Локка и Мандевилля. Согласно Юму, “правила морали не являются заключениями нашего ума”, поскольку “мы скорее чувствуем нравственность, чем судим о ней”⁴. Однако, принимая тезис о чувственной природе морали, Юм в отличие от Шефтсбери и Хатчесона видел преобладание эгоистических мотивов в поведении людей. “Так как люди по природе эгоистичны или обладают ограниченным великодушием, – писал он, – то их не легко побудить к тому, чтобы совершить какой-нибудь поступок ради интересов других людей”⁵. Вместе с тем Юм признавал наличие особого альтруистического чувства “симпатии”, которые люди питают друг к другу и которое умиротворяет их эгоизм.

В 1759 г. вышла в свет “Теория нравственных чувств” Адама Смита (1729–1790), где принцип “взаимной симпатии” между людьми получил дальнейшее развитие. Наша симпатия к другим людям, сочувствие их горю или радости, отмечал Смит, свидетельствуют о том, что люди нуждаются друг в друге. Разделяя основные положения этики Хатчесона, Смит в то же время полагал, что Хатчесон заблуждается, считая, что любовь к самому себе ни в коем случае не может быть добродетелью. “Привычка к бережливости, к трудолюбию, к скромности, к рассудительности, хотя и объясняется обыкновенно личными выгодами, тем не менее кажется нам заслуживающей одобрения и общего уважения”⁶. При этом отношение Смита к Мандевиллю было в целом негативным. Смит упрекает автора “Басни о пчелах” в том, что тот упрощает и обедняет “природу человека”, игнорирует альтруистические мотивы в поведении людей, абсолютизирует их эгоистические черты: себялюбие, тщеславие, гордыню. Пренебрежение к моральной добродетели, указывает Смит, делает систему Мандевилля достаточно опасной по своим последствиям, поскольку она внушает ошибочную мысль, что эгоистические пороки составляют всеобщее благо.

Вместе с тем многие идеи Мандевилля все же импонировали будущему классическому политическому экономисту. Это относилось в первую очередь

³ Ланге Ф.А. История материализма и критика его значения в настоящее время. СПб., 1883. Т. 2. С. 392.

⁴ Юм Д. Сочинения: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 604, 619.

⁵ Там же. С. 675.

⁶ Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 293–294.

к тем местам "Басни о пчелах", где подчеркивается значение материальных интересов и практических потребностей людей, их стремления к благополучию и достатку. Смит не только не считал такое стремление аморальным, но вслед за Мандевилем указывал, что оно "побуждает возделывать землю, заменять лачуги домами, сооружать огромные города, создавать науки и искусства, которые облагораживают и облегчают наше существование"⁷. В еще большей мере влияние идей Мандевиля можно обнаружить в главном труде Смита – "Исследованиях о природе и причинах богатства народов" (1776). Человек скорее достигнет своей цели, пишет Смит, если обратится не к симпатии и благожелательности других людей, а к их личным интересам, если он будет говорить с ними не о своих нуждах, а об их выгодах. "Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что необходимо тебе... Именно таким путем мы получаем друг от друга преимущественную часть услуг, в которых мы нуждаемся"⁸.

Много общего у Мандевиля и французских философов XVIII в. Особенно близок к нему Клод Адриан Гельвеций (1715–1771), утверждавший, что личный интерес служит подлинным фундаментом поведения большинства людей. "Самый многочисленный род людской, – писал Гельвеций, – составляющий сам по себе почти все человечество, – это люди, занятые исключительно своими интересами и никогда не думавшие об общем интересе"⁹. Однако Гельвеций понимал, что личный интерес часто вводит людей в заблуждение. Поэтому разработанная им теория "разумного эгоизма" исходила из необходимости сочетать личный и общественный интерес путем ограничения себялюбия и обуздания страстей.

Вряд ли можно проводить параллель между этическими взглядами Мандевиля и Жан Жака Руссо (1712–1778). Ведь последний считал, что человек по своей природе добр, что людям изначально присуще сострадание, смягчающее их натуру и сдерживающее их эгоистические устремления. Но именно Руссо смог продолжить мысль Мандевиля о противоречивости общественного прогресса. Достаточно упомянуть в связи с этим трактат Руссо "Рассуждение о науках и искусствах" (1750), где утверждалось, что "наши науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам"¹⁰.

Впрочем было бы неверно усматривать во всех подобных случаях прямое и непосредственное влияние Мандевиля. Просто английский моралист раньше, а порой и острее других сумел увидеть и выразить то, что потом самостоятельно осознали мыслители последующих поколений. Но тогда тем больше имеется у нас оснований воздать должное Бернарду Мандевиллю.

*Б.В. Мееровский
А.Л. Субботин*

⁷ Там же. С. 184.

⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. С. 28.

⁹ Гельвеций К.А. Сочинения: В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 185.

¹⁰ Руссо Ж.Ж. Избр. сочинения. М., 1961. Т. 1. С. 53.